

Гайны

Как же красиво смотрится заброшенная церковь в густом лесу!
К ней просто так не подобраться, кругом борщевик и крапива

Церковь Николая Чудотворца (д. Монастырь, основана в 1539 г. как русский православный монастырь во имя Святой Троицы; церковь построена купцом-лесопромышленником Стефаном Абрамовичем Лихачёвым руками вятских мастеров; ныне все эти места заброшены и добраться сюда можно только на хорошем внедорожнике, но именно здесь ещё сохранились в первозданном виде образцы старинного деревянного зодчества)

Особенности осенней рыбалки в Гайнском округе

Наследники Перы богатыря (обладал тот Пера неимоверной силой, кинуть камень за 10 верст было для него забавой)

Пернаяг (в переводе означает: лесной крест; место на берегу Камы, в 20 км от п. Гайны, где, по преданиям, Стефан Пермский крестил коми-пермяков, чудь и вогулов в христианскую веру, именно здесь поставил крест сам Стефан; до переворота 1917 г. на Пернаяг 9 мая ежегодно совершался Крестный ход из Свято-Троицкого монастыря (д. Монастырь) в день памяти святителя Стефана, на который собирались люди со всей Пермской губернии и когда проходил молебен в память Стефана (Все фото – **Валентина Спирицева**, Гайны, дипломант Конкурса в номинации 1 – Родные просторы)

Адово озеро

(Этот рассказ-повесть, написанный давным-давно, в 1965 г., в далёком северном коми-пермяцком посёлке Гайны, я дарю своему любимому внуку ЯРОСЛАВУ)

«Четвёртое болото»

...Под ногами хлюпала вода. Казалось, что стоит сделать всего лишь один шаг, и пружинистая масса болота уйдёт из-под ноги, и мы навсегда скроемся в этой рыжеватой мутной грязи. Узкая тропка в болоте, которая едва была видна в высокой траве, не внушала мне доверия, но Федька все шёл и шёл вперёд, изредка ощупывая путь перед собой шестом. Мы проходили уже самое длинное болото по другой стороне Камы, которое в народе звалось «Четвёртое проклятое болото». Предстояло пройти ещё не менее пяти километров. Где-то вдале-

ке, как бы в тумане, виднелся остров. По высоким соснам чувствовалось, что на острове богатая растительность, не то, что окружающий нас пейзаж: кочки, скрюченные берёзки, высокая, непроходимая трава и сухие, худенькие ели одиноко стояли в этой рыжеватой жиже...

Где-то далеко, позади, осталась Кама, наш посёлок Гайны. Мне до тошноты захотелось вернуться. Я остановился и сразу почувствовал, как из-под ног уходит твердь земли, и я проваливаюсь куда-то. Федька, оглянувшись, крикнул: «Тебе что, жить надоело? Не стой, засосёт!!!», – и пошёл дальше. Я с трудом освободил ноги от засасывающей меня мерзкой грязи и механической двинулся за ним. Тело ныло, в голове стоял какой-то угар. Тяжёлый рюкзак и ружьё натёрли плечи, а в ушах слышался какой-то разговор и голоса. Шатаясь, я всё же шёл и даже запел: «Вперёд все, товарищи, все по местам, последний...». Песня прервалась из-за крика Федьки. Взглянув вперёд, я увидел, что друг куда-то пропал.

Что было сил я побежал и увидел, что мой друг лежит в этой ржавой воде и тянет руки. "Вовка! Тащи скорей! Я, кажется, попал в «окно»", – хрипло промолвил он. Судорожно схватив топорик, я срубил какое-то деревцо и бросился к другу. Федька схватился за ствол и крикнул: «Тащи!». Я стал его тянуть и понял, что сам проваливаюсь. Вода уже затекала в сапоги. «Так не пойдёт! Тащи берёзу!», – крикнул Федька и стал делать новую попытку освободиться от засасывающей массы болота. Я кинулся к недалеко стоявшей берёзке, одним уда-

ром топорика свалил её и метнулся к другу. Казалось, что тряси́на навечно захватила его – и тянет куда-то в бездонную муть... Я рыдал, кричал, визжал и просил одно: «Держись!». При помощи берёзки и моих усилий Федька выбрался, наконец, из трясины на тропинку, а на том месте, где он только что был, бурлила, урчала и хлюпала эта грязная масса воды. Невольно приходило на ум, что на самом деле здесь водятся какие-то болотные кикиморы или лешие. После пережитого страха на нас нашёл какой-то дикий восторг радости. Мы хохотали, ревели и своими воплями разбудили вековую тишину этой дикой тайги. Наконец, успокоившись, но ещё со слезами на глазах от пережитого страха, мы двинулись дальше.

Эти двести или триста метров до острова казались нам вечностью. Наконец, под ногами ощутив твёрдую почву, мы с радостным визгом катались по мягкому мху, боролись и с детской наивностью радовались концу – этому переходу, не думая о том, что надо будет возвращаться назад.

«Адово озеро»

До цели нашего похода оставалось где-то около часа. Самое страшное было уже позади. К Адову озеру тропинка вела через старый сосновый бор. Казалось, что огромные вековые сосны тянулись своими кронами прямо к Солнцу. Мох, как ог-

ромная мягкая перина, лежал на протяжении всего пути. Раз два мы видели следы медведя по вывернутому с корнем мху. Этот бор стоял на горе и был виден из нашего посёлка, хотя до него было более двадцати километров. Воздух был такой чистый, что входил в лёгкие как кислород. У нас сразу прибавились сил. Говорят, что здесь когда-то хотели построить санаторий, но помешали эти непроходимые болота. Незаметно сосновый бор стал покрываться каким-то красно-розовым светом. Мы заворожённо смотрели на эту красоту, не поддающуюся описанию моего пера. Наверное, это смог бы выразить Левитан на своих полотнах, если бы побывал в этих местах. Заходящее Солнце разлило столько красноватого света, что кроны сосен и мох как бы пропитались им...

Спускаясь к озеру, заметили, что мох уже не лежал пушистым покрывалом, сосны стали мельче. Чаще стали попадаться берёзы и ели, кустики черники и голубики. Вдруг я услышал бормотание моего товарища. От природы он был молчаливым, как настоящий житель тайги. Но сейчас его прорвало, и я с удивлением слушал его диалог: «Понимаешь, Вовка, это счастье, что я живу, что я вижу эту природу, дышу этим живительным воздухом! Я никогда не променяю наш северный край, нашу красавицу Каму, озёра, тайгу и даже эти болота... Все это я так полюбил, что разлучи сейчас меня с нашей Пармой, наверное, я не выживу. Лес – это жизнь! Я всем сердцем ненавижу тех, кто губит эту красоту. После школы я буду лесником, и никто не посмеет обидеть нашу природу!...».

Мы стали торопиться, чтобы быстрее дойти до озера, сделать шалаш, развести костёр и приготовить ужин. Только сейчас мы почувствовали острый голод, так как целый день ничего не ели.

Наконец, под ногами опять стало хлюпать, и мы поняли – озеро рядом. Адово озеро находилось среди таких же непроходимых болот, которые остались позади. Стеной стояла высокая осока, из которой высовывались крупные коричневые головки камышей – при прикосновении к ним разлетались как пушистые одуванчики и забивали нос и глаза. Берегов, как таковых, у озера не было, всё заросло травой и кустарниками, а охотники и рыбаки, изредка заходившие в эти дебри, устраивались на острове, который находился посередине озера. Старожилы по-

сёлка, которым приходилось побывать здесь, рассказывали нам, что озеро это бездонное, а вода в нём такая чёрная потому, что водится в нём разная нечисть: кикиморы, неведомые животные. Якобы, одинокому охотнику или рыбаку лучше не оставаться там – унесёт его в озеро неведомая рыба, похожая на вымерших динозавров. Что по вечерам озеро бурлило, и из воды показывалась страшная, огромная пасть, хватала всех, кто находился на поверхности озера, будь то утка, собака или человек, и моментально исчезала в глубине...

Нам, четырнадцатилетним пацанам, интересно было узнать это самим, поэтому, расспросив всех, кто здесь побывал, мы составили схему маршрута, долго готовились к походу, не посвящая в наши планы никого, даже родителей, и вот оказались здесь, на краю земли...

Тропинка вывела к озеру. На берегу мы обнаружили старый, заросший сине-зелёным мхом плот. Минут через пятнадцать – двадцать мы были на твёрдой, песчаной поверхности. Посреди островка, который зарос откуда-то взявшейся смородиной, стоял такой же старый, как плот, шалаш на одного человека, но нам он казался огромными хоромами. Радости не было конца! Федька занялся костром, а я, размотав удилище, пошел рыбачить. Буквально за полчаса я вытащил десяток крупных чёрных, с зелёными полосками, окуней. Федька был отличный повар, и вскоре мы, обжигаясь от голода и усталости, лопали самую вкусную уху, хотя она и отдавала болотным запахом. Стояла тишина. На чёрной поверхности озера появилась лунная дорожка. Пение и щебетание птиц давно замолкло. Даже жирные злые комары куда то сгинули. Не сговариваясь, мы укрылись в шалаше и прижались друг к другу.

Очень хотелось спать, но эта пугающая тишина и рассказы бывалых о неведомом страшилище, водившемся в этих местах, отпугивали сон. На всякий случай мы приготовили ружья и только стали засыпать, как услышали какой-то перелив воды на тихом, казалось бы, озере. Вдруг раздался громкий всплеск, как будто в озеро бросили огромный камень. Сон прошел... Боясь выйти из шалаша, мы сидели и прислушивались к ночной тишине. Рассказы стариков невольно всплывали в памяти. Так, в полудрёме, мы и просидели до утра...

«Неведомое страшилище»

Уставшие после двадцатикилометрового перехода по зыбкой болотной почве и беспокойной, бессонной ночи: меня как бы покачивало, кружилась голова... Оказалось, Федька испытывал то же самое. На озеро посматривали с опаской, но детское любопытство побороло. Собрав рыболовные снасти, мы пошли рыбачить. По-моему, каждый из нас проклинал себя за этот бездумный поступок, когда, не зная дороги, не предупредив родных, мы ушли в это «Богом проклятое место». Но хорохорились и молчали...

Вдруг мой поплавок, без каких-либо поклёвок резко пошёл в глубь этого чёрно-зелёного озера. Я стал тянуть, но удочка согнулась дугой, и кто-то, или что-то крепко держало крючок. Сонное состояние улетучилось. В нас проснулся первобытный инстинкт. Дрожа всем телом, я из последних сил держал в руках удилище, а Федька побежал за сачком. Но, буквально через минуту, я выдернул удилище, на котором уже не было ни поплавка, ни лески. У Федьки не клевало. Он злился, дулся и обзывал меня какими-то мне не знакомыми словами. Я не обижался, так как не знал их значения. Чтобы разрядить обстановку, попросил его открыть банку тушёнки и согреть на еле дышащем жаром костре вчерашний чай, сам стал менять рыболовные снасти, сидя прямо у воды. Федька пошёл к костру, а мне бросил банку тушенки и прошипел: «Сам открывай!». У меня с собой был отцовский трофейный немецкий штык. Четыре движения руки –

и банка открыта. Крышка, с неровными, зазубренными краями от ножа, упала мне под ноги. Мы знали, что мусор за собой надо всегда закапывать в землю, не оставляя беспорядка. Тайга любит порядок! Но здесь во мне сыграло детство. Я запустил её по поверхности воды, чтобы сосчитать, сколько я «съем блинов» (эту игру знает каждый пацан, запуская в воду какой-нибудь плоский камень). Крышка подскочила по поверхности воды четыре раза и, играя своими разноцветными гранями, кувыркаясь, стала опускаться в глубь. Хотя вода на озере была чёрная, но, наверное, где-то с метр, крышку было очень хорошо видно, и я любовался, как она то всплывёт, то снова скроется в немыслимых выкрутасах в глубине. Вдруг какая-то огромная пасть схватила её, и раздался знакомый громкий всплеск воды, как будто в воду упал огромный камень. Мы замерли. Через минуту началось представление. Вода бурлила. Волны доходили до костра, который был в метре от воды. Казалось, что в тайге появился какой-то гул. Не сговариваясь, мы бросились к шалашу...

Прошло какое-то время, которое показалось нам вечностью. И вдруг всё стихло... Мы ещё немного посидели в шалаше, тесно прижавшись друг к другу. Затем, приготовив ружья, потихоньку выползли наружу. Наступившая тишина оглушила. Даже пения птиц и звона комаров не было слышно. Что это было?! Федька на всякий случай выстрелил из ружья. Прокатившееся эхо, казалось, достигло наших Гайн. Осторожно мы двинулись к озеру. Каково же было наше удивление, когда мы увидели, что на отмель острова выбросилось что-то огромное, наподобие какой-то акулы. Ведь в наши года дальше Кудымкара мы ещё не ездили, и что такое акула, представляли очень смутно. Чудовище всё ещё трепетало огромным хвостом, но видимо сил уже лишилось полностью. Мы осмелели. Когда подошли ближе и присмотрелись, у обоих отвисли челюсти. Огромная чёрная щука, вся в зелёных бородавках, лежала на берегу этого страшного озера. Федька, на всякий случай, выстрелил из дробовика ей в голову. Только тогда мы успокоились и стали рассматривать трофей. Если мы были с Федькой ровесники и почти одного роста, где-то под сто сорок сантиметров, то перед нами лежал гигант. Измерив шестом, мы поняли, что щука была не менее 170-180 сантимет-

ров и весила где-то килограммов тридцать.

Что делать? Вначале хотели разделить её на двоих, разложить по рюкзакам и так донести до дому. Но потом поняли, что наша поклажа будет нам не под силу, тем более, что у каждого ещё и ружья. Да, хотелось показать односельчанам, что нами поймано чудовище, из-за которого ходит столько слухов об этом Адовом озере. Федька нашёл выход. Он взял жердь, с которой мы путешествовали всё это время, и мы привязали эту щуку к жерди. Вскинули жердь на плечи, груз казался на двоих не таким тяжёлым. Быстро приведя в порядок место нашей стоянки и собрав вещи, мы пустились в обратную дорогу.

Предстоял опять нелёгкий путь. За всеми этими хлопотами, мы не заметили, что солнце уже высоко и начало припекать. Вскоре нам уже было не до красот этого прекрасного соснового бора, пот заливал глаза. К тому же, вместо комаров откуда-то появились назойливые мухи, которые буквально облепили нашу ношу, лезли в наши носы и уши. Да ещё появился неприятный запах тухлятины. Мы поняли, что, стремясь быстрее показать наше чудовище односельчанам, мы даже не догадались выпотрошить внутренности и засолить эту огромную щуку. За два часа на солнечном пекле рыба испортилась. Отсюда и шёл запах тухлятины. Почти плача, мы развязали от шеста наш улов и выкинули.

Идти стало легче, но разговаривать не хотелось. Мы оба знали, что по приходу домой нас ждёт хорошая трёпка от отцов за взятые без спроса ружья и самовольный уход в тайгу. Мало того, мы отлично знали, что нас, наверное, уже ищут, ведь мой отец был заместителем начальника районного отдела милиции, а у Федьки отец был начальником леспромхоза. Наши подозрения усилил тот факт, что где-то недалеко мы слышали звук работающего двигателя вертолёт. Вскоре вертолёт дважды пролетел над нами, но мы, не сговариваясь, падали в мутную жижу, в которой пролежала тропинка.

Пришли мы к берегу Камы где-то часов в семь вечера... Наши ожидания оправдались. На берегу стоял катер, и почти всё взрослое население посёлка с укором смотрело на нас. Наш сбивчивый рассказ о пойманном чудовище на «Адовом озере»

лишь развеселил их. Федьку взял за ухо и повел к катеру его отец, а меня – мой...

Так закончились наши приключения – и, как ещё долго причитали наши мамы, и «Слава Богу!».

(Автор – **Владимир Канюков**, Пермь,
дипломант Конкурса в номинации 3 – Художественная проза)

Гайны. Берег Камы (9.08.2015, фото – **Марина Чжан**, Пермь)

Гайны. Универмаг (9.08.2015,
все фото – **Марина Чжан**, Пермь, Советник и эксперт Конкурса)

**Вид на закамскую сторону из мест,
близких у Красной горке у п. Касимовка**

Наши проводники в Касимовке

Где-то на границе с Косинским р-ном, идём в с. Пятигоры
(утро 10.08.2015)

Кочёво

Кочёво и Большая Коча

На Открытом фестивале Бур Сур (Доброе пиво) в д. Мижуй Кудымкарского р-на 31.07.2016 мы (Ал. Тимшин и Марина Чжан, краелюбы из Перми) познакомились с мастерами, хозяйками и артистами этноколлектива из села Кочёво и п. Октябрьский, они, узнав, что мы едем на праздник в Большую Кочу, благо были места в автобусе, прихватили и нас с собой до Кочёво – и особая благодарность Нине Владимировне Пыстоговой, директору Кочёвского Дома культуры за приют и за помощь.

В кочёвском автобусе (все фото, кроме оговорённых особо, – **Марина Чжан**, Пермь, Советник и эксперт Конкурса)

Вечером этого же дня по приглашению хозяйки домашнего музея утвари в п. Октябрьском, руководителя вокального этноколлектива "Встреча", работницы социальной защиты Кочёвского района Исаевой Екатерины Петровны посетили такой, несомненно нужный, очаг сохранения народной культуры. Да с подробным рассказом и полной экскурсией. Всё было очень интересно да полезно. Именно такими подвижниками земля наша полнится, а и мы к корням приучаемся, и память родовую, подхватив, пытаемся дальше распространить да расширить, по мере сил своих, естественно.

Переночевав у перекрёстка между п. Октябрьский и с. Кочёво, на любезно указанном Екатериной Петровной месте, утром следующего дня, 1 августа, двинулись мы, не спеша да природой любуясь, по дорожке в село Кочёво, центр Кочёвского района. Немного погуляли с рюкзаками по улицам села; добросердечный, но пьяненький уже с утра житель на вопрос: А где тут у вас музей? – довёл, лично и охотно да с добрыми рассказами,

Из экспозиции музея

прямо до Кочёвского районного музея этнографии и быта, где и познакомились с молодыми подвижницами на ниве коми-пермяцкой культуры, Валентиной Ершовой, директором, и Евгенией Дерябиной, научным сотрудником означенного музея.

Потом ещё прошлись по улицам до перекрёстка на Большую Кочу, остановившись в ожидании транспорта в ту сторону.

Полчаса ожидания – и вот лихо подкатывает авто: «Кому в Большую Кочу?» Таковых аж четверо: мужчину более преклонного возраста, нежели я сам (и больших габаритов) усадили на переднее сиденье, мы втроём уместились на заднем – и потихоньку покатали в Большую Кочу (через Кышку, отворот на Пальник), 20 км всего, дорога – приличная грунтовка, народ вылез в центре, нас довезли до окраины, почти под самые окна Гагарина Василия Ивановича. В селе – практически одна длинная улица параллельно реке Онолва, а дальше, через Мараты и Пуксиб – идёт дорога на Косу.

И мы пошагали искать место ночлега себе. По кромке поля, немного не дойдя до кедра, нашли показавшееся нам приличным место – и основались с палаткой, а можно сказать, и обосновались; опять же и кедр посетили, даже шишки, зверьём не доеденные, нашлись. Пообедав, отправились, уже налегке, побродить по селу, дошли до центра, сделали ряд фотографий...

Школа в селе Большая Коча (и иным «городским» можно позавидовать)

и – ринулись обратно, в укрытие, ибо туча из-за леса нависла. Только успели. Дождик небольшой, но гроза гроыхала здорово. Такая же – ещё вдругорядь, ближе к вечеру разразилась, один разок здорово гроыхнуло, голову в плечи само собой вдавило – страшно. Но дождя почти не было. Снова отправились гулять по окрестностям, встретили Василия Ивановича, подсказал – где что есть: ключ Ипат-шор с "изумрудной водой" (знатна водица, не чета нашим ржаво-очищенным водопроводным), да поляна на берегу (где на завтра назначено место проведения обрядового мероприятия в честь праздника), где и искупаться не грех.

«Изумрудная водица»

После таковых купаний, возвратившись «к себе» на становище и повечеряв, отошли ко сну – ну и почивали хорошо.

Наутро (стало быть, это уже 2 августа настало), глаза проколупав да позавтракав, собрали вещички-рюкзачки – и направились на праздник. О празднике – да, сейчас и расскажем.

А 2 августа – сразу несколько праздников: основное, ради чего всё действие вершилось – праздник Турун Вежан Лун (День смены травы), один из древнейших народных календарных памятных дней, со своеобразными обрядами "от корней", возрождаемыми ныне силами и жителей, ещё сохранивших родовую память, и радетелями народной культуры, в том числе и фольклорными коллективами; да ещё День села Большая Коча, да ещё Ильин день – всё наслаивалось-наслаивалось и вылилось во вполне душевное и интересное мероприятие.

Тут с утра женщины ушли на утренний обряд сбора трав, а остальные готовили площадку к празднику: в бывшем монастырском саду, а ныне одном из мест проведения массовых мероприятий близ культурно-досугового центра (клуба) – ставились скамьи, столы для мастеров да разных поделок, места для обеда, площадка для игр детворы, готовилась и сцена. А и нас попросили зарегистрироваться в качестве участников празднования – вот так мы с Мариной оказались творческой делегацией: пришлось ей выполнять задания по раскраске гипсовых отливок-фигурок "пермского звериного стиля" да разные поделки мастерить, я ходил фотографировал и "делал лицо" творческое.

Будни «творческой группы» (фото, отмеченные далее * – **Ал. Тимшин**, Пермь)

Наконец, праздник начался. Собравшихся поздравил глава района, другие официальные лица и гости. Прозвучали тёплые поздравления и награждения ветеранов, юбиляров, именитых людей села, творческие выступления перемежались приветами, частушки – переплясом, разговорами по всему пространству, одни красочные костюмы сменяли другие. Наверное, как везде, в общем-то, но, кажется, что чуточку теплее, что чуточку душевнее. А может потому, что и мы, уже получившие приют этой земли, воспринимали её не отстранённо, а сродни.

А вот и Василий Иванович *

Праздник продолжился после окончания концерта и всех по-

ложенных официальных мероприятий второй частью народного обряда – собственно День смены травы, важная составляющая часть земледельческого сельскохозяйственного цикла: закрепление возобновляемости трав в умах и сердцах жителей. Началось всё как поход по хозяевам

с пожеланиями достатка, пением положенных песен, игр, чередой застолий с угощением, рассказами о семье,

приглашением на поляну – второе место проведения обряда. Поляна у реки (да мы вчера были там, через ключ-родник про-

шли, поляну поприветили, реку поизведали), и вот на ней – уже пиво-квас рекой, стол накрыт, костёр сложен, коллективы, проводящие само действо, изготовились, гости раскрыли сердца, развесили уши да глазоньки раскрыли пошире, чтоб всё выглядеть; Василий Иванович Гагарин, знак свой жреческий на грудь повесил да факелы зачал готовить к зажиганию. Разобрали факелы выделенные люди от коллективов и гостей (от нас, конечно, – Марина), двинулись, по зажжению их, к костру сложенному, со всех сторон оный священный огонь аккуратно возжжён бысть,

*

и учили женщины собранные пучки трав подпаливать со корней их, а затем гурьбой к берегу реки кинулись

*

да с приговорами, разорвав травы, корни в воду покидали, верхушки-цветики во болото-земельку прибрежную захоранивали на предмет дальнейшего их возрождения чрез огонь, воду и землю. Продолжилось действо: женщины, повернувшись задней частью к костру, тепло от костра опахивали юбками, да то же после них мужская часть общества совершала, но уже передом. Опосля, огонь костра посбив, чрез костёр прыгать стали,

*

поодиночке да парами, а и мы положенное число раз попрыгали. А когда костёр прогорел, парни-мужики, бегом к берегу подбегая, остатки факелов замётывали в воду. И отправились уху есть "по-кочински". Вот так вот в Большой Коче праздники справляют...

(Автор – **Ал. Тимшин**, Пермь)

Большая Коча и городище Курэгкар

Поездка от 24-26.07.2021 (Ал. Тимшин, Марина Чжан). Место назначения – село Большая Коча Кочёвского района. Цель – встреча с Василием Ивановичем Гагариным и посещение городища-святилища Курэгкар. Для этого – отправились утром в субботу, 24-го, на автобусе Пермь – Усть-Чёрная до села Кочёво, куда и прибыли часов через 5. На автостанции усмотрели обратные выезды от трёх проходящих и одного местного автобусов, попутно выяснив, что на сегодня автобусов в сторону Б. Кочи нет. Попытки поголосовать на знакомом уже углу ни к чему не приводили – очень многие просто ехали в эту часть села Кочёво (домов впереди по тракту да и около – презирудно бу-

дет), решили на околицу выбираться – там, дескать, вернее. Но вскоре подвернулся молодой человек (ехал за рабочими на объект), подобрал нас до ближайшей (почти) деревни Кышка, где тракт раздваивается – основной пошёл налево, на Косу (и прочее), и нам как раз в ту сторону, прямо – на сёла и деревни Кочёвского района (Сеполь и др.).

Вот, значит, и пошли мы «в ту сторону», на горку поднялись, перекусили, дальше идём, дорога, дорога, мимо едут, никому мы не нужны, мост – внизу речка Вежайка,

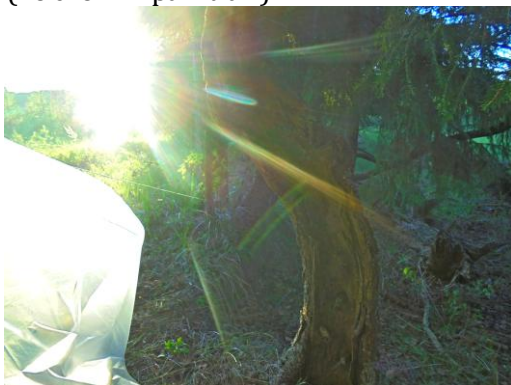
опять дорога, вот и отворот на Большой Пальник появился – тут, вскоре, нас немного подбросили почти до моста через реку Онолву. Дальше мы уже хотели пофотографировать – а Коча: вот она, на ладони,

что Малая – слева, что Большая (когда-то так и было, потом обе части слились в одну Большую Кочу (а надо бы – просто в Кочу, ведь Малой больше нет, а парность в названиях остаётся; да везде так, неряшливость в названиях, неряшливость в языке, в мыслях; впрочем, иногда это и оправдано, сохраняется древнее название, Б.К. упоминается ещё с 16 века). Далеко не пошли в село, повернули налево, по дороге на Борину, поднялись по улице на холм, водички набрали в колонке, мимо карьера придорожного прошагали за последние дома, вольготно раскинувшиеся вдоль левого побережья реки Онолвы, увидели будущее место обитания нашего,

вдоль грядки старого леса да заросшего уже угора (бывшего поля, видать), нового леса. Уткнулись прямо в него, конкретно испросили позволения приютить нас на 2 ночи, палатку раскинули (по своим правилам) –

а уж солнышко и на закат повернуло, приготовилось за верхушки леса заречного нырнуть. Поужинали да и спать завалились.

Утром рано поднялись, собрались в дорогу, уже налегке, с малыми котомками – толком не зная, да и направления подзабыв, попытались прорваться до городища; да совсем и не туда пошли, поколесив по лесным дорожкам часа два, вернулись обратно (нога моя левая, заболевшая ещё с Ашапских «бросков», уже с месяц так и даёт себя знать, идти – даже с палкою-выручалкой, «лошадкой», так сказать – почти не даёт). Чуток отдохнули, и потихоньку пошли до Василия Ивановича (он на другом конце села живёт). Мы уже были в селе Большая Коча (по его приглашению) на празднике Турун вежан лун («Дне смены травы»), но на городище тогда не попали. В.И. Гагарин – редкой души человек, из породы Хранителей, ревнителей народных традиций, историк, краевед, собиратель древностей и обрядов оберегатель, организатор музея, целитель, и вообще, что называется, «Знающий», образец настоящего Человека (как бы чище, нравственнее и лучше было, если бы таковых побольше на свете обреталось!) – дравствуй и пребуди в Свете, друже!

Дошли, достучались, дома... (а приехали неожиданно, как всегда, спонтанно, без оглашения). Трудится по своему Плану (и не важно, что день воскресный), чаем угостил, дорогу разъяснил-показал. И пошли напрямиком – Туда.

Мимо нашего временного «дома», мимо деревни Маскаль, мимо лесного мыска – а там уже отворот лесной дороги старой на деревню Урья, мимо поля, частично леском уже заросшего (даже боровые маслята в соснах уже есть – собрал малость, на вечер отварил, душу потешил), вот, по ориентирам, и подошли к повороту направо, идём вдоль кромки леса, по дорожке луговой. А вот и указатель – и Тропа на городище пошла, да со стрелочками, путь указующими.

По дороге в ладошку костяники набрал (чура «угостить»), ковыляю помалу, нога не идёт почти, Марина уж вперёд убежала, вверх всё по холму. Вот упёрлись в верхнюю, городищенскую, искусственную часть холма. Стал к изготовленным под руководством Василия Ивановича импровизированным Вратам подниматься – а боль как рукой сняло (и до сих пор больше не болит), от-оно как...

*

Поднялись на городище (было оно, скорей всего, местом родового святилища 6-8 веков, отнесёно к Ломоватовской культуре археологической, к ранним коми-пермякам, так сказать; были находки звериного стиля, по преданиям да реконструкциям видится, что было оно окружено крепкою деревянной оградой с заострёнными наверху, имелись, наверное, и другие укрепления (типа, привратных, с противоположной стороны, где и был тогда вход-въезд во град, имело городище и местного объекта поклонения, как-то связанного с птицей (имя Курэг и означает – птица, курица, и по-русски кур – петух), охрана, стало быть, была, раз святилище – значит, стояли изображения, какие потребны, вокруг обряды-поклонения совершались жрецами, всё самое богатое у местного народа здесь сохранялось. Потому и сила наличествует, и энергии быют, и фото их «ловит». В центре града – не зарастающая и посейчас большая поляна, в одной части которой, у края, неизвестными «искателями» вырыта большая ямина-раскоп, а на другой стороне поставлен деревянный чур (идол, в обозначении В.И. Гагарина, думается, что это изображение ближе к чуру, прашуру, да и черты несёт схожие с местными жителями, он даже в своеобразном уборе головном, скорей всего, изображение и должно предка отображать; культ предков, к счастью, у коми-пермяков сохранился в большей степени, нежели у считающих

себя русскими). Принесли и мы поклонение своё, благодарение, – мы ведь тоже пермяки.

Спустились вниз, попрощались. Назад пошли. Энергии прибавилось, бодрости, внутри сила возросла, не заметили, как и до «дому» дотопали. По пути ещё обходили стороной пасущееся стадо коров. Не то, чтобы боязно, а лучше обойти, они – большие создания, а бык – так и вовсе ревёт по-своему, страшновато так-то.

Из всего сельского хозяйства (поля постепенно зарастают лесом) вот и осталось стадо коров, утром выгоняемое хозяйками к месту сбора, пасущееся в разных местах на сочных травах, к вечеру подтягивающееся к селу (много коров в части, бывшей Малой Кочёю, обретается) и ручейками растекающееся по хозяйствам. А раз коровы в усадьбе – значит, много надо и запастись сеном на зиму, а значит, и техника во дворах всяческая есть, и народ, вроде, при деле.

А вообще, как местные наутре говорили, пока мы утренний автобус с Маратом ждали, уже полностью собранные к отъезду во свояси, _ нет работы в селе почти никакой. Школа вот ещё, магазинчики, культурно-досуговый центр, садик детский – практически, и всё. Едут работать в райцентр, в Кудымкар, ещё куда. Или живут своим хозяйством. Как, собственно, и везде. Вот только в Б. Кочее развалин домов, как в прочих местах, я не видел. 440 лет (теперь уже 442) село стоит (упоминается, стоит, надо полагать, и поболее намного) – и стоять будет!

Так вот и закончилась наша поездка, по приезду местного автобуса в Кочёво купили билет на Гайнский автобус до Перми, немного подождали – и пять часов обратной дороги подремали в автобусе. Ещё раз благодарим всех за помощь и поддержку в наших поездках, без вас всех было бы неизмеримо труднее.

(Автор текста, фото, отмеченное * – **Ал. Тимшин**,
фото – **Марина Чжан**, Пермь)

В Пармайлово, у Мастера Егора Утробина

Парк деревянных скульптур Мастера Егора Утробина

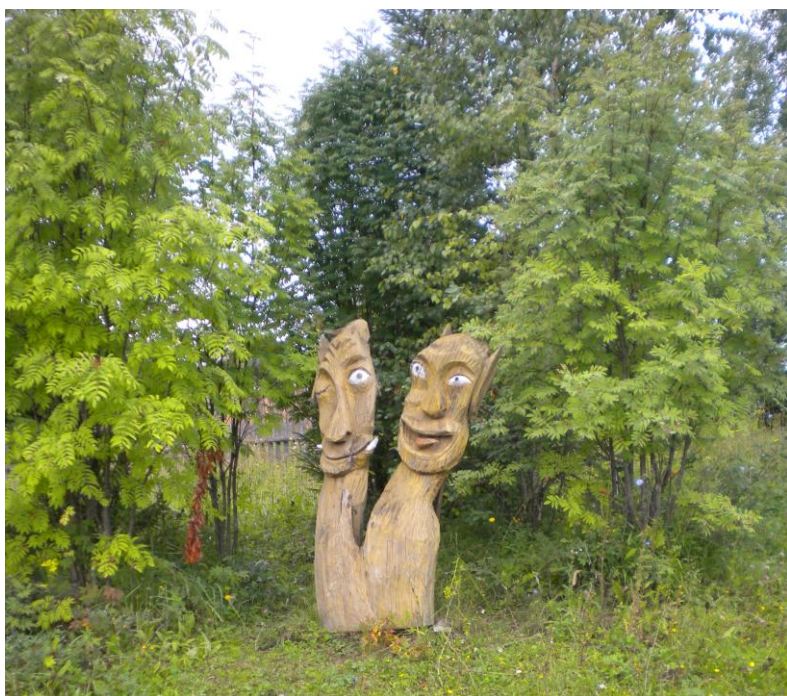
Гостевой дом-замок

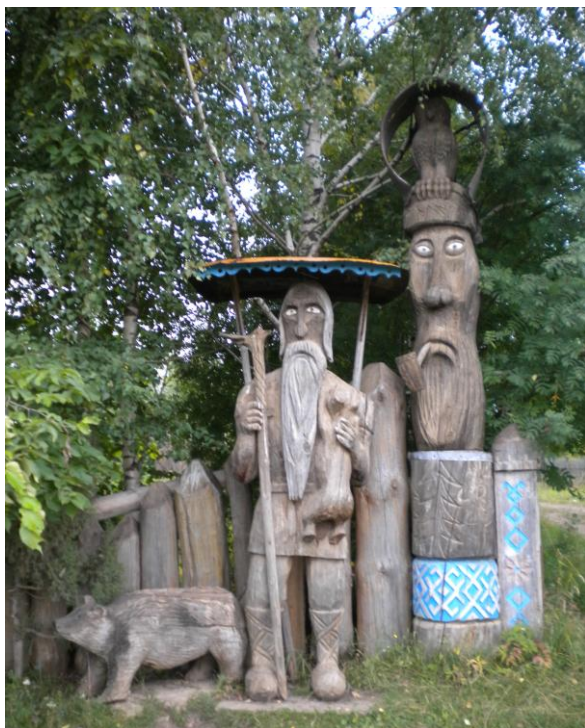
Парадные ворота

Идолище

Скульптуры
191

Фестивальная площадка

Фрагмент дома Мастера

А вот и он сам

«Что-нибудь получится», – сказал Мастер... Мастер в действии
(все фото – 10.08.2015, *Марина Чжан*, Пермь)

И вот что получилось (12.09.2015, фото – *Марина Чжан*, Пермь)

Коса

Ыджыт туй (Большая дорога; фестиваль 12.09.2015
в с. Коса, фото – *Марина Чжан*, Пермь)

Случай на переправе (Рассказ)

Вечерние августовские сумерки с догорающим бордовым закатом, размазанным всеми оттенками красно-жёлтого цвета по уже низкому уральскому предосеннему небу, заглядывали

в окно кухни. Лето переломилось, и приметой этого убывающие дни, ставшие заметно короче. А ночами уже веет прохладой. Дома затопили печь, и в ней тихо потрескивали берёзовые поленья, создавая тёплый домашний уют. Они всей семьёй после ужина сидели и допивали ароматный чай с травами. «Да, река шуток не любит, к ней надо относиться уважительно и серьёзно» – сказал отец, глубоко затянул папиросу и вышел из-за стола. Он сел на корточки возле печки, слегка приоткрыв дверцу топки, чтоб дым от курения затягивало внутрь. В этот вечер даже маленькие дети вели себя спокойно, будто чувствовали, что сегодня решалась их судьба.

Посёлок, в котором жила семья Таи, расположился на крутом левом берегу реки Коса. Она наполняла свои воды притоками, множеством речушек, замысловато петляя, и унося их в большую Каму. На территории бассейна реки находится большое болото, куда местные жители ходят за клюквой, стелющейся на кочках, покрытых мхом. На гибких нитевидных стеблях осенью созревают россыпи красных ягод. Река для местного населения была кормилицей и местом нереста верхнекамской стерляди. В ней водилось множество разной рыбы – на радость местным рыбакам. А дети могли всё лето купаться, ныряя с катеров, причаленных к берегу.

Весной прибегали смотреть на ледоход. Все стояли, как заворожённые, наблюдая за этим красивым явлением природы. На реке в это время слышался гул и треск разламывающихся при столкновении льдин. Они мощным потоком под влиянием возрастающего давления массы разваливались на более мелкие куски. «Гремит плывущих льдин резня и поножовщина обломков» – так точно описал ледоход в своих стихах Б. Пастернак.

И только река освобождалась от ледохода, к крутому берегу причаливали большие белые корабли с баржами. Начинался северный завоз. Прибрежные склады заполнялись продуктами, мануфактурой, техникой, стройматериалами и ещё всяким необходимым для жизнедеятельности людей товаром. Это была единственная возможность обеспечить население на всю зиму до следующего завоза. Вереницы грузчиков по трапам круглосуточно сновали, как муравьи, с мешками на плечах. А ребяташки целыми днями наблюдали за большими

красивыми белыми кораблями и матросами в полосатых тельняшках. У многих мальчишек тогда зарождалась мечта стать матросом или капитаном и плавать на таких же судах. Только стоило покинуть баржам пристань, по реке начинался сплав древесины, заготовленной за зиму. Сплавщикам леса надо было успеть отправить его с большой водой. Для этого они зимой скатывали брёвна к берегу и весенняя вода, поднимаясь, сама подхватывала их и несла россыпью вниз по течению. С высокого берега видно было, как вся водная поверхность была покрыта брёвнами, и они словно карандаши плыли по воде, натываясь друг на друга, переворачиваясь или вдруг выныривая из воды. Вследствие многолетнего сплава леса молевым способом дно реки в некоторых местах было покрыто утонувшей древесиной. Её называли топляком.

Посёлок, расположившийся на живописном берегу реки, образовался из спецпоселения, так назывались населённые пункты, включённые в масштабную систему режимных поселений граждан, высланных в административном порядке. Они появлялись в местах, где ощущалась нехватка рабочей силы для лесозаготовительных работ и разработки недр. Первыми, наиболее массово, подвергались переселению раскулаченные крестьяне, которых сотнями и тысячами загружали в эшелоны и отправляли к местам спецсылки, в том числе, и в северные районы Прикамья. После окончания войны здесь появилось множество семей крымских татар. Впоследствии – несколько немецких и литовских семей. Поэтому, в классе, котором училась Тая, были дети всех национальностей, населявших посёлок. Несмотря на это, все жили дружно. Взрослые работали на лесозаготовках в леспромхозе, на местных предприятиях и организациях. Работы хватало всем. Трудились на своих приусадебных участках, держали домашний скот и птицу. Умели работать и устраивать весёлые праздники в доме культуры. Народ был образованный. Каждый вносил культуру своей малой Родины в оформление своего жилища на новом месте. В палисадниках летом цвели высокие пушистые георгины, кусты акаций. Посёлок очень нравился Тае. Чистый, ухоженный, зелёный, с прямыми широкими деревянными тротуарами вдоль дорог. С ещё не старыми двухквартирными бревенчатыми домами. Появлялись целые улицы

из аккуратных сборных финских домиков. В то время в нём проживало чуть меньше полутора тысяч человек. Было два деревянных корпуса школы. Один – одноэтажный – для начальных классов, второй – двухэтажный – для старшекласников. Тая очень хотелось быстрее перейти в большую школу, так как в посёлке было только два двухэтажных здания: школа и контора леспромхоза. А пока она пойдёт только во второй класс.

Это лето выдалось дождливым, и уровень воды в реке был выше, чем прежде. Паром на переправе, передвигаемый с помощью троса, почему-то не использовался и стоял на левом берегу реки. На правом – располагались нижние склады со штабелями приготовленной для сплава древесины. Сюда она свозилась со всех лесоучастков, сортировалась и складывалась ближе к берегу, чтоб весной её подхватила вода. За складами начиналось огромное болото. В этот день рабочих лесозаготовителей переправлял паромщик на лодке.

Стояли на редкость солнечные сухие дни конца августа. Но уже позже занимается рассвет и раньше смеркается. В зелёной листве деревьев и кустарников появились жёлтые пряди. Пламенили гроздья калины и рябины. Лес спешил отдать свои дары. Скоро начнётся осенний листопад. Тая играла с маленьким братом и сестрой на лужайке возле дома. Она поглядывала на дорогу, поджидая свою мать, которая уже должна была вернуться. Она утром очень рано ушла по клюкву, когда дети ещё спали, потому что до болота идти было далеко и надо было успеть на переправу, чтоб попасть на правый берег реки.

Клюква-ягода, как природный витаминный комплекс, незаменима при простудах и других недугах в зимнее время, и должна быть в каждой семье. Да и хранится она долго. Пора сбора и сдачи в заготконтору дикорастущей ягоды являлась для жителей отдалённых мест одной из основных возможностей заработка.

Семья Таи жила на центральной улице посёлка, плавно переходящей в другую улицу рядом расположенного села – райцентра. Разделял их только столб с доской, на которой были написаны с одной стороны название посёлка, а с другой – название села. Все рабочие и ягоdniки, живущие в селе, проходили мимо, но матери не было видно. Вдруг Тая заметила спешащую к ней тётку Таню, родственницу отца. Она почти подбежала к ней и сказала,

что на переправе перевернулась лодка с ягодниками и там была её мать. Обещала, что посмотрит за детьми.

Тая, не чувствуя под собой ног, как была босиком, так и побежала через весь посёлок к парому. А это примерно километра четыре, не меньше, будет. Слёзы душили её, мешали дышать. Поначалу она кричала, как кричит детёныш зверя, потерявшего мать, потом скулила, потом мысли перебили истеричные всхлипывания. Она знала, где находилась переправа. Недалеко от неё располагался песчаный пляж. Иногда они там купались с поселковыми ребятами. Она всё бежала, казалось, дороге не было конца. Предположения были самые страшные, но она всё шептала: «Хоть бы жива, хоть бы жива» Если её мать умрёт, кому она будет нужна? Отец ей не родной, у него свои двое детей. Разве что бабушка заберёт в деревню. Навстречу ей никто не попадался, и тревога Таи усиливалась. Она уже бежала по дороге вдоль речки. За большими разросшимися ивами, наконец-то мелькнула поляна у переправы, показались и люди, снующие на берегу. Тая выскочила на пригорок и увидела несколько женщин, лежащих на траве. Тут же были мужья, встречающие ягодниц, и уже собралось немало поселкового люда. Женщина, узнавшая её, указала: «Вон там твоя мать». Тая протиснулась, расталкивая толпу, увидела свою мать, сидящую в сторонке, и бросилась к ней. Мама сидела вся мокрая, на её губах почему-то проступили синие пятна. Кто-то из мужчин дал ей свой пиджак. Она выглядела уставшей, обняла Таю и прошептала: «Всё нормально, дочка. Сейчас немного отдохну, и пойдём домой». Тая была безмерно рада, что её мама – тут, рядом, и они сидят, обнявшись. Хотя мать была в мокрой одежде, Тая почувствовала тепло её тела. Теперь только она огляделась вокруг. Увидела несколько мешков с клюквой, видимо выловленных из воды. Мужики ходили с длинными баграми, ощупывая прибрежное дно, надеясь наткнуться на утонувшее тело. Оказалось двух женщин унесло течением. Одна умела плавать. Хотя её и унесло уже за поворот, но её удалось спасти, а вторую – нет. Вскоре приехал милицейский УАЗик. В него поместили лежащих ослабевших женщин и повезли в больницу. Таю с мамой вызвался довезти местный житель на мотоцикле с коляской.

Дома мать рассказала, что паромщик не хотел их перевозить, ссылаясь на то, что своё он отработал и что все рабочие переправились, закончив свою смену. Женщины уговорили его, что

сами будут сидеть на вёслах. Он согласился всего на один рейс, и поэтому у них и получился перегруз лодки. Паромщик распорядился снять мешки с ягодами и сам распределил их по лодке. Затем усадил ягодниц. Вёсла были уже в уключинах. Мама Таи взобралась на лодку последней, так как толкала её с берега и не стала снимать мешок, чтоб сэкономить место и расположилась на корме. У каждой в мешке были не меньше двух вёдер клюквы. Плыли не дыша, боялись шелохнуться. От воды до кромки лодки было всего сантиметров пять. Уже проплыли середину реки, как лодку вдруг качнуло и она, зачерпнув воду, стала тонуть. Кто мог плавать, выплыли сами, кого-то вытащили мужики, ожидавшие на берегу. На пароме, стоящем на приколе, не оказалось даже спасательных кругов. Там лежали только два багра с очень длинными ручками, которыми и воспользовались в сложившейся ситуации для поиска утопленницы. Маму Таи подхватило течением и зацепило мешок за паром, да так, что она и сбросить его не могла и головой оказалась под брёвнами плота парома. Ей помогли выбраться. Но она сильно наглоталась и ослабла. И вода в реке уже была холодная. Ей в некоторой степени помог мешок с клюквой. Ягода легче воды, и она за счёт них дольше оказалась на плаву. Но выбилась из сил, и на какое-то время в её глазах потемнело, да и голова оказалась под водой. В этот момент, видимо, и зацепило её за паром.

Утонувшую молодую женщину тогда так и не удалось найти. Водолазы потом вдоль и поперёк исследовали дно реки, но тело не обнаружили. Только следующей весной, после схода талых вод, рыбаки наткнулись на остатки тела утопленницы, вынесенного большой водой, где-то за много километров от места происшествия. Оно зацепилось за торчащий топляк. Её опознали по синим резиновым сапожкам, которые ещё держались на останках её ног. Поле этого случая Тая стала бояться находиться на воде, не чувствуя под собой дна. А ведь как они ныряли с катеров! Плавали в мутной речной воде с открытыми глазами, наперегонки с мальчишками переплывая реку в узких местах. И она теперь, несмотря на свой юный возраст, стала больше ценить жизнь и любить единственного родного ей человека – маму, больше помогать ей и стараться не огорчать.

(Автор – **Раиса Гурина**, Пермь,
дипломант Конкурса в номинации 3 – Художественная проза)

**Вид на реку Кама от села Пятигоры (10.08.2015,
фото – *Марина Чжан*, Пермь, Советник и эксперт Конкурса)**

**Окраина села Коса. Строится дорога (10.08.2015,
фото – *Марина Чжан*, Пермь)**